

Светлов П. Я., свящ. Недостатки западного богословия в учении об искуплении и необходимость при объяснениях этого догмата держаться святоотеческого учения: [Речь перед защитой магистерской диссертации (Значение Креста в деле Христовом: Опыт изъяснения догмата искупления)] // Богословский вестник 1894. Т. 1. № 1. С. 60–76 (1-я пагин.).

Недостатки западнаго богословія въ ученіи объ искупленіи и необходимость при объясненіяхъ этого догмата держаться святоотеческаго ученія.

(Речь передъ защитою магистерской диссертациі: „Значеніе Креста въ дѣль Христовомъ. Опытъ изъясненія догмата искупленія“.
Кievъ. 1893).

Благосклонному вниманію Вашего Высокопреподобія и всего высокопросвѣщеннаго собранія осмѣливаюсь предложить нѣсколько словъ въ объясненіе общаго характера моего сочиненія, теперь подлежащаго ученому суду и обсужденію.

Конечно объ этомъ предметѣ трактовалось въ самой книгѣ и особенно во введеніи къ ней, но въ данномъ случаѣ уже важность предмета и его неисчерпаемость достаточно оправдываютъ меня въ этомъ намѣреніи. вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Великимъ я могу сказать, какъ сказалъ онъ въ объясненіе встрѣчающихся у него повтореній въ изложеніи того же предмета (т. е. ученія о спасеніи): „Не диви(те)сь, что многократно говоримъ то же и о томъ же. Поелику бесѣдуемъ о Божіемъ благоволеніи, то много разъ изъясняемъ одну и ту же мысль, что-бы не оказалось что-либо опущеннымъ и не подпали мы обвиненію, что сказанное нами неудовлетворительно. Ибо лучше подвергнуться порицанію за тождество, чѣмъ опустить что-либо такое, о чемъ должно было написать“ (Изъ Сл. „О воплощеніи“). И при всемъ томъ, по сознанію и св. Аѳанасія ¹⁾, опасность подпасть обвиненію въ пропускахъ или пробѣлахъ и въ не-

¹⁾ Твор—ій т. XVII, ч. 1, стр. 157. Москва 1851 г. (въ *Словѣ о воплощеніи*).

удовлетворительности сказаннаго остается неустранимою и естественною неизбежностью въ виду того, что здѣсь, въ объясненіяхъ центральнаго догмата Христіанской религіи, выражающаго ея существо, особенно примѣнимъ законъ безконечной усовершенности знанія. Не только какъ тайна вообще, но какъ центральная истина христіанства, объединяющая въ себѣ всѣ другія ея истины въ качествѣ своихъ посылокъ или предположеній, догматъ искупленія менѣе всѣхъ другихъ догматовъ допускаетъ возможность законченныхъ объясненій и изслѣдованій.

Сочиненіе мое принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ догматико-апологетическихъ, въ которыхъ самое изложеніе и раскрытіе догмата рассчитано на опроверженіе относящихся къ нему заблужденій. Потому оно можетъ быть названо и апологетическимъ, гдѣ цѣль достигается не полемическимъ методомъ, но при помощи надлежащаго положительнаго разъясненія истины, — такимъ изложеніемъ истины, при которомъ ложь или извращеніе ея становятся сами собою очевидны. Безъ сомнѣнія, сочиненіе не могло имѣть въ виду всѣ безчисленныя заблужденія или частныя формы извращенія основной истины христіанства, по оно направляется противъ общей ихъ сущности. Всѣ заблужденія эти при всемъ своемъ многообразіи сходятся въ одной основной своей сущности, указанной еще великимъ благовѣстителемъ тайны Креста Христова св. Ап. Павломъ: въ нихъ *упраздняется* слово *о Крестѣ* или самый Крестъ Христовъ, потому что онъ кажется для певѣрующихъ и лжепевѣрующихъ или *соблазномъ*, или *безуміемъ* (1 Кор. 1, 17...).

Крестъ Христовъ, это величайшее доказательство истинной силы, *Божіей силы* (1 Кор. I, 24), покоряющей себѣ міръ не внѣшнимъ могуществомъ и непреодолимою властью надъ тѣломъ и внѣшними чувствами (чудесами), но одною истинною и добромъ, самоотверженною любовію, для іудейскаго настроенія лжепевѣрія въ Христіанствѣ кажется отрицаніемъ всякой силы и немощью. Нынѣ, какъ и во времена Апостольскаго благовѣстія, міръ (плотски — настроенныхъ людей) не знаетъ истиннаго могущества, торжествующаго надъ волею только правдою и любовію: онъ преклоняется лишь передъ силою, которая дѣйствуетъ на его внѣшнія чувства въ грубой очевидности внѣшнихъ фактовъ. Міръ

не хочетъ Бога, торжествующаго надъ человѣкомъ одною истинною и любовью,—онъ хочетъ, чтобы Богъ властвовалъ надъ нимъ *чудомъ: да снидетъ со Крести!* (Мѡ. XXVII, 40; Мр. XV, 32). Онъ хочетъ, чтобы Богъ покорилъ его черезъ внѣшнія чувства: *да видимъ и вирю имемъ Ему!*

Для языческаго настроенія рационалистическаго невѣрія безуміемъ представляется разительнѣйшее доказательство *Божіей премудрости* во Крестѣ Христовомъ, торжествующей силою одной только истины безъ тѣхъ внѣшнихъ украшеній и призрачнаго блеска, въ которыхъ міръ обычно полагаетъ самую мудрость. Міръ поклоняется лишь мудрости, облеченной въ громкое имя, являющейся въ блескѣ философіи, въ шумѣ краснорѣчія, въ вооруженіи внѣшней учености, въ *премудрости слова* и въ *убѣдительныхъ словахъ* *человѣческой мудрости* (1 Кор. II, 1. 4). Міръ хочетъ, чтобы истина покоряла его не только внѣшнею очевидностью фактовъ, но внутреннею или логическою очевидностью разсудка. Міръ склоненъ признавать насиліе, а не силу...

Наконецъ, міръ вообще не хочетъ признать Бога въ простотѣ Иисусова смиренія и Его добровольнаго крестнаго самоуниженія (Фил. 2, 6—8). Крестъ Христовъ, высочайшее и окончательное откровеніе Божества міру, представляется противорѣчіемъ всѣмъ понятіямъ міра (іудеевъ и Еллиновъ) о Богѣ, въ которыхъ величіе смѣшивается съ гордою и холодною неприступностью, мудрость съ напыщенностью, сила—съ насиліемъ, а простота и любовь объявляются глупостью и слабостью.

Соблазнъ Креста для современнаго европейскаго рационализма по существу тотъ же, какимъ онъ былъ для рационализма эллинскаго: формы заблужденій переходятъ, а сущность ихъ пребываетъ неизмѣнною. Древніе соблазнились величіемъ Божественной любви, явленной въ тайнѣ Креста Христова: любовь въ Богѣ *даже до смерти и смерти крестныя* не вязалась съ ихъ понятіями о Божественномъ величій и славѣ; современные язычники соблазняются величіемъ Божественной правды, строгости Божественнаго суда надъ грѣхомъ въ тайнѣ Креста; крестъ кажется противорѣчіемъ понятію о Богѣ любви для европейскаго разума, воспитаннаго и выросшаго все-таки

въ атмосферѣ христіанскихъ идей. Но такъ-какъ европейскій разумъ подчиняется лишь невольно и безсознательно вліянію христіанскихъ идей и живетъ своею собственною естественною жизнью, коренящеюся въ языческомъ классицизмѣ, то въ немъ идеи эти терпятъ соотвѣтственные превращенія и истина Христіанская искажается. Такъ на естественной почвѣ европейскаго разума, засоренной гнилыми его продуктами, плевелами и терніями матеріалистическихъ и пантеистическихъ доктринъ съ отрицаніемъ Живаго Бога, человѣческой личности, свободы и нравственной отвѣтственности, христіанское ученіе о Богѣ Любви вырождается въ сантиментализмъ съ его понятіемъ о любви какъ дрябломъ, вяломъ и пассивномъ благодушіи.

Говоря такъ, я кратко намѣчаю источники заблужденій рационализма въ ученіи о Крестѣ. Эти заблужденія, какъ вообще всякія заблужденія особенно въ области жизненныхъ вопросовъ знанія (религіозно-философской), представляются не столько ошибками ума или плодомъ его безсилія въ рѣшеніи вопросовъ, сколько плодомъ или симптомомъ нравственныхъ болѣзней. Конечно, отрицаніе юридическаго момента въ тайнѣ искупленія въ извѣстной мѣрѣ логически требуется господствомъ пантеистическихъ и матеріалистическихъ доктринъ, ему неблагоприятныхъ, но самыя эти доктрины скорѣе моральныя, чѣмъ рационально-философскія заблужденія. Нравственная подкладка ихъ несомнѣнно заключается въ пониженіи современнаго нравственнаго уровня, ослабленіи нравственнаго чувства, идеи долга и справедливости. Такимъ образомъ рационализмъ ополчается на Крестъ во имя нравственныхъ началъ (Ричль, Толстой) только по недоразумѣнію: онъ продуктъ разшатанной совѣсти и содѣйствуетъ ей большому разрушенію.

Наконецъ, необходимо остановить особенное вниманіе и еще на одномъ важномъ источникѣ рационализма, — на его зависимости отъ широко господствующаго юридическаго пониманія догмата искупленія: рационализмъ является какъ оппозиція или реакція крайностямъ популярной юридической концепціи догмата искупленія. Обстоятельство это такой великой важности, что обсужденію и оцѣнкѣ его посвящена вся моя книга: въ юридическомъ ученіи объ искупленіи мы имѣемъ самый опасный источникъ и сильнѣйшую

опору заблужденій рационализма, — врага Креста Христова тѣмъ блѣе опаснаго, что онъ является подъ видомъ служенія славы Божіей и истинѣ Христіанской, выдаетъ свою ложь человѣческую за истину Божию Христіанскую, чѣмъ и себя обманываетъ, и другихъ вводитъ въ заблужденіе, отталкивая отъ Христіанства ищущихъ истины и заставляя ихъ ставить въ вину послѣднему человѣчeskія ошибки. Здѣсь мы видимъ убѣдительное доказательство того, что значительную и тяжелую долю отвѣтственности въ распространеніи и господствѣ религіозныхъ антихристіанскихъ заблужденій должно взять на себя средневѣковое латинское богословіе, точно также далеко не свободное отъ идей языческаго классицизма.

Фактъ зависимости рационалистическихъ теорій искупленія отъ юридическаго объясненія догмата не можетъ подлежать сомнѣнію и въ виду явной противоположности во всемъ рационалистическихъ теорій юридическому ученію схоластиковъ ¹⁾, и въ виду того обстоятельства, что рационализмъ устанавливаетъ и развиваетъ свое ученіе въ открытой полемикѣ съ популярно-традиціоннымъ ученіемъ юридическаго богословія. Это вполне извѣстно относительно выдающихся и вліятельнѣйшихъ представителей рационализма *Социна и Ричля*, нанесшихъ своею критикою латинскому схоластическому богословію ударъ, послѣ котораго ему трудно оправиться. Почти ни одно изъ ихъ возраженій противъ догмата въ его юридической концепціи не было устранено ея защитниками. Таковы особенно главнѣйшія возраженія Социна и Ричля съ ихъ послѣдователями, направленныя противъ важнѣйшихъ пунктовъ въ ученіи объ искупленіи, противъ его *возможности и дѣйствительности* ²⁾.

Возраженія противъ возможности искупленія направляются въ самый центръ ученія и относятся къ латинской теоріи *satisfactio vicaria* т. е. ученія о замѣстительствѣ, въ силу которой переносится на праведнаго Искупителя вина человѣчества, а съ Искупителя на грѣшное человѣчество — оправданіе. Социнъ доказалъ, что съ строго-юри-

¹⁾ См. въ книгѣ стр. 47 и д.

²⁾ См. *Социна* возраж. подъ лит. Б. и В на стр. 49—50.

дической точки зрѣнія и на чисто-юридической почвѣ такой путь нравственнаго вмѣненія невозможенъ и незаконенъ, такъ-какъ находится въ полномъ противорѣчій съ самыми началами юридизма (стр. 49 ff.). Дополняя Социна, Ричль указываетъ на то, что въ этой теоріи не выдерживается юридическая точка зрѣнія, на которой она стоитъ. Если, согласно съ нею, Богъ прощаетъ грѣшника въ качествѣ Законодателя и Судіи, то очевидно, что въ этомъ случаѣ юристы отождествляютъ прощеніе Творцемъ твари съ правомъ помилованія преступниковъ, которое дается закономъ главѣ государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшиваютъ два совершенно различныхъ порядка идей. Право помилованія имѣетъ цѣлью лишь количественное уменьшеніе или *смягченіе* наказанія налагаемаго по законному суду на преступника; прощеніе, напротивъ, совсѣмъ изъясляетъ грѣшника отъ наказанія ¹⁾. Далѣе, не говоря уже о томъ, что уголовное право вообще не знаетъ и не допускаетъ такого замѣстительства ²⁾ (недопускаемаго и нравственнымъ чувствомъ), юридическое богословіе принимаетъ терминъ *наказаніе* въ такомъ смыслѣ и значеніи, какихъ оно не имѣетъ и не можетъ имѣть въ области юридической: наказаніе служить лишь средствомъ для обезпеченія порядка и благоденствія въ государствѣ, но не самодовлѣющею цѣлью; между тѣмъ въ юридическомъ богословіи наказаніе или правосудіе поставляется въ абсолютную независимость или отдѣльность отъ благодати Бога и блага людей и превращается въ эту самодовлѣющую цѣль ученіемъ, что жертва Иисуса Христа была наказаніемъ, назначеннымъ для удовлетворенія Божественной правды, а не средствомъ обращенія грѣшниковъ на путь покаянія и спасенія ³⁾. Наконецъ, Ричль представляетъ въ болѣе развитой формѣ аргументацію Социна противъ юридическаго замѣстительства, когда

¹⁾ Albrecht Ritschl. *Die christliche Lehre von der Rechtfertigung und Versöhnung*. Dritte Auflage Bonn 1888 (I—III Bde), B. III, p. 84—85, 86 f., 60—61.

²⁾ Ritschl t. III, 87, 255—256 ср. 539. Когда Богъ прощаетъ грѣшника, то Онъ дѣйствуетъ какъ милосердый Отецъ, а не какъ Законодатель и Судя; Онъ для грѣшниковъ то же, что отецъ въ семействѣ, а не царь въ государствѣ для своихъ подданныхъ. Ср. въ книгѣ стр. 281—282.

³⁾ Ibid. III, 46—48. 88 ср. 1 II. 3, 18.

говорить, что совершеннѣйшую праведность Христа нельзя вмѣнять другимъ такъ, какъ если-бы она была ихъ собственнымъ дѣломъ (ihr eigenes Product) и избавляла ихъ отъ труда самимъ осуществлять праведность эту, потому что „дѣло нравственнаго совершенства личности нельзя себѣ представить чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ нея“¹⁾.

Эти, какъ и всѣ другія возраженія Ричля и Социна, получаютъ громадный вѣсъ не сами по себѣ, но лишь на почвѣ противнаго имъ юридическаго ученія латинянъ объ искупленіи; всѣ усилія юристовъ устранить или ослабить эти возраженія разбиваются о тѣ капитальные недостатки ихъ юридической теоріи, которые указываются въ моей книгѣ. Наибольшимъ препятствіемъ къ успѣху въ данномъ случаѣ служатъ: *отрицаніе* въ юридической теоріи *субъективной стороны* искупленія, обусловленное имъ *отсутствіе внутренней связи между догматомъ искупленія и догматомъ объ оправданіи, недостаточное-полное признаніе самостоятельнаго сотеріологическаго значенія за воплощеніемъ Сына Божія*²⁾. И безъ того большія трудности, связанныя съ теорією замѣстительства еще болѣе осложняются этими недостатками, создающими для нея неблагоприятное положеніе. Во-первыхъ, юридическая теорія ими вынуждается искупительную силу и значеніе Креста полагать исключительно только въ немъ, какъ фактъ объективномъ, виѣшнемъ, и такимъ образомъ разрывать въ ущербъ идеѣ замѣстительства тѣсную связь въ искупленіи между человѣчествомъ и его Представителемъ и Спасителемъ. Во-вторыхъ, юридическое богословіе обязывается юридическою точкою зрѣнія на искупленіе искупительную силу и значеніе приурочивать исключительно къ жертвѣ, принесенной Искупителемъ, а не къ самой Его Богочеловѣческой личности или факту воплощенія Сына Божія, какъ это видимъ въ святоотеческомъ ученіи³⁾; по этимъ самымъ оно лишается самой существенной опоры теоріи замѣстительства.

Между тѣмъ всѣ возраженія раціонализма противъ даннаго пункта въ ученіи объ искупленіи теряютъ всякую силу

1) *Ritschl* t. III, 67—68. 256.

2) См. стр. 21—29, 29—35, 23—24.

3) См. книги стр. 93—96, 123 ff., 158 ff., 188 ff., и др.

и свое значеніе внѣ юридической концепціи его, и самимъ юристамъ-богословамъ для защиты христіанской истины волю-неволею иногда приходится сходить съ своей юридической почвы, дѣлать рационализму уступки и такимъ образомъ вносить поправки въ юридическую теорію, иногда очень важныя. Такими поправками обогатило юридическую концепцію искупленія ученіе Ричля объ искупленіи, сильное въ своей отрицательной (критической) сторонѣ при слабости, какъ это чаще бываетъ, въ сторонѣ положительной: оно не только направило ученыя силы къ богословской разработкѣ на Западѣ ученія объ искупленіи, породивъ обширную литературу, но и оказало положительное содѣйствіе въ этой разработкѣ критикою юридическаго ученія и указаніемъ его слабыхъ сторонъ. Подъ давленіемъ критики Ричля весьма нерѣдко вносились существенныя передѣлки и поправки въ юридическое ученіе объ искупленіи. Доказательствъ этому можно было-бы представить множество, особенно изъ нѣмецкой протестантской литературы; но здѣсь можно ограничиться указаніемъ одного примѣра этого вліянія Ричля на разработку ученія объ искупленіи, которая представляется въ капитальнѣйшемъ во всей литературѣ трудѣ одного изъ его критиковъ-богослововъ во Франціи, протестантскаго богослова Эрнеста *Бертрана*. Въ обширной книгѣ богослова разсѣяно много мыслей, хотя и не вполне развитыхъ, но представляющихъ прекрасный образчикъ исправленія крайностей латинства и протестантства. Иисусъ Христосъ—читаемъ мы на примѣръ, Своими страданіями не избавляетъ насъ отъ необходимости намъ самимъ страдать и умирать. Напротивъ мы должны вмѣстѣ съ Нимъ распинать свою плоть и страсти и довершать (осуществлять) въ глубинѣ собственныхъ душъ то очищеніе отъ грѣха, которое объективно исполнено ранѣе на Голгофѣ¹⁾. „Иисусъ Христосъ“, читаемъ въ другомъ мѣстѣ, „умеръ на крестѣ никакъ не для того, чтобы избавить насъ отъ труда самимъ очищаться отъ грѣховъ. Напротивъ, Онъ умеръ для того, чтобы при видѣ и подѣ впечатлѣніемъ Его Крестной жертвы естествен-

¹⁾ Ernest Bertrand. *La nouvelle conception de la Rédemption. La doctrine de la justification et de la réconciliation dans le système théologique de Ritschl*. Paris 1891, p 443—444 (passim).

ный человѣкъ могъ въ свою очередь самъ осудить себя и раскаяться во грѣхахъ. Жертва Голгоетская имѣла цѣлю осуществленіе искупленія въ душѣ всякаго кающагося грѣшника. Для полученія оправданія вѣрующій долженъ быть распятъ со Христомъ (Гал. II, 20), т. е. онъ долженъ напередъ согласиться на страданія не какъ на фактъ, производимый единственно законами природы, но какъ на справедливое наказаніе за свои грѣхи. Такимъ образомъ кровавая жертва Спасителя, не избавляя самихъ насъ отъ страданія и смерти, даетъ нашей скорби и смерти истинный смыслъ: она позволяетъ всякому кающемуся грѣшнику представить Верховному Судіи нравственное искупленіе его собственныхъ грѣховъ и тѣмъ самымъ присоединиться къ Божественному суду противъ самого себя¹⁾. Но, говоря такъ, авторъ утверждаетъ лишь мною высказанное положеніе²⁾ о необходимости личнаго участія въ искупленіи повтореніемъ всемірной Голгоетской Жертвы Христа въ каждомъ Его послѣдователѣ и такимъ образомъ невольно вынуждается къ признанію субъективнаго момента въ искупленіи³⁾.

Кромѣ теоріи замѣстительства, устанавливающей *возможность* искупленія, другимъ слабымъ пунктомъ юридическаго ученія, открытымъ для ударовъ критики, является теорія *эквивалента* сатисфакціи, устанавливающая *дѣйствительность* или достаточность удовлетворенія (Жертвы Христовой). Юридическою точкою зрѣнія на искупленіе требуется математически-точное соотвѣтствіе или пропорциональность между искупительными страданіями Спасителя и грѣхами человечества или, какъ предпочитаютъ выражаться, между *долгомъ* и *уплатою*: величина искупительной жертвы должна находиться въ полномъ соотвѣтствіи съ величиною грѣха и въ *качественномъ* (*сила* или *интенсивность* стра-

¹⁾ *E. Bertrand* p. 441. Далѣе авторъ вѣрно приводитъ Библейскія основанія мысли особенно изъ ученія Ап. Павла, видя подтвержденіе ея и въ Новозавѣтной терминологіи,—въ предпочтеніи предлога *ἐπὶ* предлогу *ἐνὶ* (*за—вмѣсто*) въ выраженіяхъ, какъ: „Христосъ умеръ за насъ“ (*ἐπὶ* чаще, чѣмъ *ἐνὶ*).

²⁾ Ср. книги стр. 414 и дал. изъ дополи. къ гл. VII, отд. II-го.

³⁾ Ср. также прекрасныя мысли *E. Bertrand*'а о наказаніи (искупительномъ) pp. 438-441 и книги гл. VII, стр. 394 и д.

даній), и въ *количественномъ* отношеніи (*сумма* страданій). Между тѣмъ критика Социна и его послѣдователей, въ томъ числѣ и Ричля (въ данномъ случаѣ) выставила на видъ юристамъ совершеннѣйшее отсутствіе требуемаго юридическимъ изъясненіемъ догмата соответствія, не говоря уже о странности пресловутой теоріи эквивалента самой въ себѣ, независимо отъ юридической точки зрѣнія. Здѣсь, какъ и по поводу теоріи замѣстительства, юридическое богословіе для самозащиты вынуждено сходить съ собственной почвы на чуждую ему почву святоотеческаго разумнѣя догмата: обыкновенною и лучшею *уверткою* его въ данномъ случаѣ представляется аппелляція къ самой Богочеловѣческой Личности Искупителя для доказательства дѣйствительности принесенной Имъ искупительной Жертвы.

Такимъ образомъ, безъ преувеличенія можно сказать, что рационалистическая критика ученія объ искупленіи въ юридической конструкціи съ точки зрѣнія основнаго ея юридическаго принципа превращаетъ это традиціонное ученіе, унаслѣдованное отъ схоластики (Ансельмъ Кентерберійскій), въ развалины, которыя схоластика съ крайнимъ упорствомъ все еще силится собрать въ нѣчто цѣлое и выдаетъ его за таковое ¹⁾.

Гораздо слабѣе становится критика, когда сходить на почву Библейскую. Но и въ данномъ случаѣ можно отмѣтить въ критикѣ Ричля нѣсколько сильныхъ пунктовъ, относящихся къ общей характеристикѣ и оцѣнкѣ юридической конструкціи ученія объ искупленіи. Сюда относится особенно энергическій протестъ Ричля противъ ложной идеи юридической теоріи о взаимныхъ отношеніяхъ или союзѣ между Богомъ и людьми, лежащей въ основѣ теоріи. Здѣсь нравственныя отношенія между Богомъ и людьми въ образѣ союза свободной взаимной любви превращаются въ отношенія юридическія на подобіе отношеній владыки къ рабамъ и главы государства къ подданнымъ ученіемъ о такъ наз. *foedus operum* по старинной терминологіи, По этому уче-

¹⁾ Относительно Социна протестантское богословіе откровенно сознается, что его критика поставила ученіе объ искупленіи въ такія затрудненія, съ которыми приходится считаться и доселѣ: см. въ *Herzog-Plitt-Hauck Real-Encyclopädie* Aufl. Leipzig, 1885, В. XVI, p. 388.

нію Богъ въ основаніе Своего союза съ людьми положилъ данный людямъ законъ, опредѣливъ за исполненіе его награды и за нарушеніе—наказанія. Люди грѣхами нарушили союзъ и подпали осужденію. Христосъ понесъ за людей заслуженное ими наказаніе, удовлетворилъ тѣмъ требованіямъ правосудія и сдѣлалъ возможной любовь Бога къ грѣшнымъ людямъ, превративъ, такимъ образомъ, *foedus operum* въ *foedus gratiae*. Подобное воззрѣніе Ричль справедливо находитъ глубоко противнымъ духу и буквѣ Библіи, не знающей (даже въ Ветхомъ Завѣтѣ) о такомъ Богѣ и учащей о Богѣ Отцѣ (особ. въ писаніяхъ пророковъ). Отношеніями Бога къ людямъ и въ благоволеніи, и въ наказаніяхъ управляетъ любовь, а не мертвый принципъ права, регулирующий отношенія государственной власти къ подданнымъ. Богъ хочетъ видѣть въ вѣрующихъ не рабовъ и подданныхъ, а сыновъ и друзей (Іо. 1, 12; Рм. 8, 14—17; Іо. 15, 15). Кромѣ того такое воззрѣніе заключаетъ въ себѣ предположенія очевидно невозможныя. Утверждать, что Иисусъ Христосъ въ грубо-юридическомъ смыслѣ заслужилъ намъ прощеніе Своею смертію, значитъ утверждать, что Онъ далъ намъ *право* требовать у Бога свое оправданіе какъ дѣло *долга*; это несомнѣнно значитъ полагать, что Богъ *обязанъ* награждать тѣхъ, которые соблюдаютъ Его законъ, какъ Онъ *обязанъ* наказывать его нарушителей ¹⁾.

¹⁾ *Rechtfertigung und Versöhnung* III, 234 f. f. По вѣрной мысли Ричля прощеніе и всякое благоволеніе Божіе къ людямъ есть дѣло одной милости (и только, добавимъ, гнѣвъ и не благоволеніе—дѣло правды). Но къ этой мысли требуется ограниченіе: и въ милости Божіей пребываетъ правда, и она обнаруживается въ томъ, что милость и прощеніе простираются лишь на тѣхъ, въ комъ есть любовь къ Богу (см. книги стр. 281—282, 283, 390 f.). Здѣсь заключается простое рѣшеніе неразрѣшимой съ юридической точки зрѣнія дилеммы Социна: или — *remissio* (прощеніе), или — *satisfactio* (удовлетвореніе). То и другое однако другъ друга не исключаетъ. Любовь все даруетъ туне; удовлетвореніе же, котораго она требуетъ, не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій съ нею: она требуетъ только, что бы на нее такъ же отвѣчали любовью, и что бы для нея все дѣлали по безкорыстной любви, *даромъ*, какъ это она дѣлаетъ другимъ. Любовь никогда не проситъ себѣ награды, не считается, считаетъ себя всегда несовершенною, стремится дѣлать не только то, что считается должнымъ, но и сверхдолжнымъ, считается и это *сверхдолжное* только должнымъ, чувствуя себя въ вѣчномъ долгу передъ любимымъ. Извѣстное требованіе Иисуса Христа: *когда исполните все повелѣнное вамъ говорите: мы рабы*

Представленные здѣсь образцы критики Социна и Ричля на юридическое ученіе объ искупленіи указываютъ на генезисъ рационалистическаго ученія, вообще ему противоположнаго ¹⁾: мало сказать, что оно возникаетъ и развивается параллельно юридическому ученію объ искупленіи и въ тѣсной съ нимъ связи,—оно является естественнымъ продуктомъ его въ качествѣ окончательнаго и крайняго развитія его началъ, въ которомъ ученіе приходитъ къ самоотрицанію.

Наглядное доказательство этому дастъ аналогичный (одиночный) фактъ въ нашей русской литературѣ, представляемый воззрѣніемъ *Льва Толстого* на искупленіе, высказаннымъ въ его „вѣронизложеніи“ (*Въ чемъ моя вѣра?*). Если воззрѣніе этого русскаго рационалиста не является эхомъ западнаго рационализма, то во всякомъ случаѣ оно—вѣрно и чуткое отраженіе умственнаго настроенія и духовныхъ запросовъ своего времени, Толстой отрицаетъ истину искупленія, какъ будто бы полагающую спасеніе во вѣншемъ и не зависящемъ отъ субъекта фактъ удовлетворенія и, при послѣдовательности, исключаящую необходимость собственной его самодѣятельности ²⁾. Особенно выпукло выставляется этотъ недостатокъ юридической теоріи въ протестантской сотеріологіи, намѣренно и усиленно старающейся выдвинуть вѣншій юридическій характеръ спасенія въ ущербъ этической сторонѣ его, ученіемъ о независимости оправданія отъ добродѣтели ³⁾. Если и дѣлаются попытки связать эти двѣ стороны спасенія, то несостоятельность ихъ очевидна и не для Толстого. И вотъ въ логически-прямолинейномъ умѣ его христіанское ученіе объ искупленіи, предложенное ему въ юридической оправѣ,

ничего не стоящее; потому что сдѣлали, что должны были сдѣлать (Лук. 17, 10), вызывается не только недостижимостью идеала нравственнаго совершенства и невозможностью выйти за предѣлы долгаго: въ добродѣтели, но и любовью, какъ главнымъ настроеніемъ, какое Онъ полагаетъ въ основу общенія своего съ вѣрующими, въ основу Новаго Завета Божія съ людьми.

¹⁾ Кроме указанныхъ *Ричль* выставляетъ много другихъ возраженій противъ юридической теоріи искупленія, разсѣянныхъ въ его сочиненіи *Rechtf. und Versöhnung* III, 233—250, 250—256, 444—452, 506, 521—524, 533—543.

²⁾ Стр. 25—35, подъ лит. в и цф. 2.

³⁾ См. книги гл. I, отд. 1, стр. 71—75 и дополн. къ I гл. стр. 77—89.

превращается въ отрицаніе морали, и отвергается безповоротнo основная истина христіанства, какъ „ложное ученіе“ и „суевѣріе“ (а вмѣстѣ съ ней связанная и другая истина о первородномъ грѣхѣ) ¹⁾.

Таковы плоды ложнаго изъясненія Христіанства въ его, основной истинѣ.

Было-бы большою ошибкою думать, что обнаруженное въ раціонализмѣ недовольство юридическою концепціею ученія объ искупленіи принадлежитъ только раціонализму и вызывается либеральнымъ отношеніемъ невѣрующаго ума къ христіанскому ученію. Нѣтъ, оно даетъ себя замѣтить не только въ богословіи, но и въ сознаніи просто вѣрующихъ въ видѣ болѣе или менѣе смутно высказываемыхъ мыслей и желаній, что бы основная истина Евангелія предлагалась вѣрующимъ безъ противорѣчія его духу и началамъ въ ученіи о Богѣ и человѣкѣ и взаимообщеніи Бога съ людьми. Элементы этого настроенія и даже самого ученія въ духѣ святоотеческомъ указываются и въ книгѣ моей ²⁾.

¹⁾ *Worin besteht mein Glaube? Eine Studie von Graf Leo Tolstoi. Aus dem russischen Manuscripte übersetzt von Sophie Behr. Leipzig, 1885, p. p. 128—143.*

²⁾ См. отд. II, дополн. къ гл. II, стр. 265—270. Въ видѣ доказательства сказаннаго обращаемъ вниманіе на симптомъ этого настроенія, случайно проскользнувшій въ свѣтскій органъ свѣтскаго высшаго учебнаго заведенія: *Ученныя Записки Имп. Каз. Унив.* 1893 г. кн. IV, стр. 42—43, въ полемич. статьѣ—ъ по поводу книги О. Стукова: „Лютеранскій догматъ объ оправданіи вѣроу“. Здѣсь является какъ объ общеизвѣстномъ фактѣ, что „теорія Анзельма... объ оправданіи (*следуетъ*: объ искупленіи) имѣетъ чисто-юридическій характеръ... Юридическій характеръ ученія объ оправданіи человѣка—грѣшника составляетъ отличительную характерную черту Западнаго богословія отъ Восточнаго (*вѣрно!*), (хотя и въ этомъ послѣднемъ отчасти обрѣтается юридическій элементъ, но болѣе въ иномъ направленіи, по отношеніи къ дьяволу (*и къ слѣдствіямъ грѣхи, добавитъ следуетъ, особенно смерти*)). Прибавимъ отъ себя, что самая новая изъ обширныхъ системъ догматики, догматика *en. Оливье* занимаетъ въ отношеніи къ теоріи Анзельма особое положеніе: она не введена въ его систему. Въ замѣнъ ей положительное изъясненіе сущности искупленія (первосвященническаго служенія) дается краткое и неполное (въ 14-ти строкахъ), гдѣ говорится только о субъективной сторонѣ его, уничтоженіи „преградъ“ между Богомъ и людьми въ видѣ сознанія виновности чрезъ удовлетвореніе правдѣ Божіей (см. *Отътъ Прав. Догматич. Богословія* т. IV, по изд. Кіевъ 1889 г. стр. 111 — 112). Патристическій элементъ въ ученіи этого автора объ искупленіи приурочивается не къ одной

На западѣ, во Франціи, Англии, Швейцаріи, Германіи и Америкѣ, есть не мало вѣрующихъ богослововъ, недовольныхъ юридическимъ взглядомъ на искупленіе. Такъ, по заявленію современнаго англійскаго богослова *Ліаса*, юридическая схема ученія объ искупленіи не составляетъ члена аягликанской вѣры и ученія Англиканской церкви, а разсматривается даже представителями ея какъ слабая чловѣческая попытка облечь Божественную истину въ ограниченныя формы чловѣческаго разума ¹⁾. Вся книга его (*Искупленіе, разсматриваемое съ точки зрѣнія современныхъ возраженій*) представляетъ горячій, хотя не совсемъ убѣдительный, протестъ противъ незаконнаго господства въ богословіи этой юридической школьной схемы ученія, неизвѣстной древней церкви, въ качествѣ истины Божественной и оффиціального ученія Церкви, на правахъ догмата ²⁾. Богословъ англійскій ратуетъ противъ нея во имя интересовъ Христіанской религіи въ виду причиняемаго ею нравственно-религіознаго вреда (соблазнъ вѣрующихъ) и рационализмъ связываетъ съ ея господствомъ. Онъ справедливо говоритъ, что „есть умы, которымъ она не только не даетъ удовольствія и спокойствія, но причиняетъ величайшее смущеніе и тревогу, болѣе того, — вынуждаетъ ихъ отречься отъ всего Евангелія“ ³⁾, такъ-что съ устраненіемъ юридической схемы христіанства, по его мнѣнію, „были-бы

крестной смерти, но и къ *воплощенію* (ibid. стр. 106). Относительно теоріи Ансельма встрѣчаемъ замѣчаніе, что она отличается крайнею схоластичностью, но при всемъ томъ не заключаетъ „въ себѣ ничего несогласнаго съ мыслью древней вселенской Церкви“. См. стр. 161. Ср. *Архъ Фишарета* Прав. Догмат. В - іе. Черниговъ 1864, т. 2, стр. 142, 145, 148—149).

¹⁾ Rev. I. I. Lias *The Atonement viewed in the Light of certain modern Difficulties*. Being the Hulsean Lectures for 1883 - 1884 Ed. 2-th, London 1883, p. 108.

²⁾ Ibid. p. XII, 12 f. f., 5, 6—7, 8. Главнѣйшіе недостатки теоріи, неимѣющей для себя основанія въ Евангельскомъ ученіи, указываются въ слѣдующемъ: въ ней объективная сторона искупленія или удовлетвореніе правды совсемъ заслонило собою субъективную или возстановленіе образа Божія въ падшемъ чловѣкѣ жертва—самую Личность Искупителя, такъ какъ воплощенію въ теоріи дается второстепенное, подчиненное мѣсто; не воплощеніе, а смерть Христа признается краеугольнымъ основаніемъ Евангелія (см. p. 13).

³⁾ Lias *The Atonement*, p. 11.

устранены нѣкоторыя очень серьезныя препятствія для вѣры многихъ серьезныхъ умовъ“ ¹⁾).

Однако всѣ попытки правильнаго освѣщенія догмата искупленія въ Западномъ богословіи, встрѣчаютъ сильнѣйшія препятствія въ самой конструкціи западныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, особенно протестантскаго, — и это подробно обследовано въ нашей книгѣ (гл. I, особ. доп. къ ней). Не излишне отмѣтить при этомъ и другое важное препятствіе: это — установившееся въ западномъ богословіи пренебрежительное отношеніе къ святоотеческому ученію объ искупленіи въ обработкѣ ученія (о чемъ въ общемъ см. въ книгѣ гл. I, отд. I, стр. 91 и д.). Этимъ богословіе западное добровольно лишаетъ себя одного изъ могущественныхъ противоядій вѣвшемуся въ него юридическому духу, который служитъ серьезнѣйшимъ препятствіемъ къ правильному пониманію искупленія. Если для протестантскаго богословія весь патристическій періодъ въ исторіи догмата представляется почти пустымъ мѣстомъ, то это уже одно убѣжденіе крайне вредно отзывается на опытахъ объясненія догмата искупленія ²⁾. Оно обрекаетъ богословскую мысль на безплодный непродуцируемый трудъ безконечнаго изобрѣтанія въ замѣнъ юридической столь же непригодныхъ *метафизическихъ концепцій догмата* искупленія и даетъ не то, чего отъ него ждутъ и что она должна давать, т. е. указанія того, какъ разумѣть дѣло сама Вселенская Цер-

¹⁾ Ibidem p. 5.

²⁾ Въ *RE. V. XVI*, 378 (Aufg. Leipzig 1885). Artel Schmidt *Versöhnung* читаемъ, что „должны были тысяча лѣтъ лечь между ап. Павломъ и Ансельмомъ, что бы догматъ сдѣлался предметомъ парочитаго обстоятельнаго раскрытія“ etc.—Образчикомъ невыгоды указываемаго обстоятельства служить между прочимъ, и ситт. книга *Lias'a The. Atonemen'*, вслѣдствіе пренебреженія къ святоотеческому ученію и незнакомства съ нимъ (весьма обычное явленіе и всюду распространенное!), ограничившаяся только добрыми намѣреніями: не сумѣвъ возвыситься надъ юридическою точкою зрѣнія и выдти изъ-подъ нея власти, она отвергнула и самый юридическій элементъ въ искупленіи, т. е. замѣстительство (см. характеризующія отношеніе къ патристич. ученію мѣста на р. р. 44—49). Образчики типическіе этого пренебреженія даются въ сочиненіи, отводящемъ широкое мѣсто ученію объ искупленіи, въ догматич. системѣ извѣстнаго протест. богослова Dörner's — *System der christlichen Glaubenslehre. I—II. Berlin 1886 V. II. Hft. 2, S. S. 544—552.*

ковъ Христова, а не какой-нибудь частный ограниченный умъ, или даже цѣлое направленіе въ богословіи.

Нашъ трудъ и есть опытъ объясненія догмата искупленія на основѣ свято-отеческаго ученія.

Существенное содержаніе его можетъ быть кратко представлено въ нѣсколькихъ тезисахъ.

1. Послѣ паденія человѣкъ сталъ существомъ и *больнымъ*, и *преступнымъ* (грѣховнымъ); и болѣзненность, и преступность срастворяются въ его падшемъ естествѣ до такой степени, что онъ есть и больной преступникъ, и преступный больной. Но корень зла заключается именно въ его преступности.

2. Для Божіей любви человѣкъ—*больное* существо (Ев. Мѡ. IX, 12. Мр. II, 17. Лк. V, 31. IV, 23); а для Божіей правды онъ—*преступное* существо.

3. Посему въ виду и свойствъ самой болѣзни, и свойствъ нашего божественнаго Врача, самого Сына Божія, требовалось такое врачеваніе (искупленіе), которое соображалось-бы и съ тѣмъ и съ другимъ, и съ болѣзненностью, и съ преступностію нашего естества.

4. Всеблагая и премудрая правда Божія обрѣтаетъ такое врачество въ самыхъ плодахъ или слѣдствіяхъ нашей преступности, — въ страданіяхъ, завершающихся смертію, и справедливо заставляетъ нашу преступность пожинать посѣянное ею, но не изъ мести, а для нашего врачеванія, дѣлая и *наказаніе* цѣлебнымъ.

5. Цѣлбное дѣйствіе наказанія заключается въ томъ, что оно:

а) приближаетъ грѣшника къ *печали*, *яже по Бозь* (2 Кор. VII, 10), т. е. къ покаянію и любви Божіей.

б) Если человѣкъ свободно предается сей печали, и покаянію, то эти скорби превращаются въ *искупительное наказаніе* или *удовлетвореніе правды Божіей*, потому что кающійся добровольно подчиняется ему, какъ заслуженному, и тѣмъ свидѣтельствуетъ свою любовь къ Богу и покорность Ему. Оно дѣлаетъ изъ человѣка *жертву*, угодную Богу, Его праведной любви, и изъ всей его жизни, принесенной Богу, спасительное крестное иго или *крестъ*.

6. Оно служить угодною Богу жертвою потому, что:

а) и человѣка вводитъ въ общеніе съ Богомъ,

б) и Бога примиряетъ съ человѣкомъ.

Оно вводитъ человѣка въ общеніе съ Богомъ, ибо возстановляетъ его любовь къ Богу. Оно примиряетъ Бога съ человѣкомъ, ибо справедливо Божіей праведной любви удовлетворяется любовью, и на любовь грѣшника, очищенную добровольными страданіями, отвѣчать любовью же.

Кромѣ того, покаяніе будучи жертвою, вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ человѣка на путь требуемаго отъ него исцѣленія отъ грѣховности, т. е. христіанскаго совершенствованія или подвижничества.

7. Но люди не могли и не могутъ сами безъ высшей помощи принести Богу такую жертву, и врачество (цѣ. 4) не могло быть дѣйственно до времени явленія благодатной помощи человечеству въ лицѣ пришедшаго на землю во плоти Самого Бога Слова.

8. Пришествіе Христово открыло путь къ покаянію или должному дѣй-

ствію врачевства въ истинныхъ послѣдователяхъ Христа Его воплощеніемъ, Его жизнью, ученіемъ, страданіемъ, крестною смертію, воскресеніемъ, вознесеніемъ, дѣйствіемъ въ церкви черезъ Духа и въ духъ Святомъ — включительно до новаго явленія въ міръ.

9. Немоцное, больное и преступное человѣчество, неспособное понести и нежелающее носить свой цѣлебный крестъ, въ соединеніи съ Богочеловѣкомъ, своимъ Представителемъ и Искупителемъ, въ Немъ, съ Нимъ и чрезъ Него обрѣтаетъ все необходимое для того силы и путемъ новой христіанской жизни постепенно становится сильно, здраво, свято, и чрезъ то самое достойно любви Божіей, и входитъ снова въ спасительное общеніе съ Божествомъ.

Мною не могло быть сказано много, но я благодарю Бога и за это немногое! Люди широкаго учено-литературнаго опыта въ области живого христіанскаго знанія хорошо поймутъ вынесенное мною изъ малаго опыта сознаніе глубокой правды въ словахъ премудраго (Соломона): *Въ руку (Господа) и мы, и слова наши, и всякое разумнѣе и искусство дланія... Ибо Онъ есть руководитель къ мудрости и исправитель мудрыхъ* (Прем. Сол. VII, 16. 15).

И Ему одному слава и благодареніе во всемъ и за все!

Свящ. П. Святловъ.
